

СПОГАДИ, ДУМКИ, ІНФОРМАЦІЯ

ІЗ ВОСПОМІНАНЬ ОБ АКАДЕМІКЕ А. Я. ОРЛОВЕ

И. Г. Колчинский

Жизнь и научная деятельность Александра Яковлевича Орлова протекала на рубеже между завершением классической астрономии и созданием новой. Александр Яковлевич был в лучшем смысле этого слова астрометристом классической школы. Вместе с тем его усилия по созданию Службы широты были, вероятно, одним из первых глобальных астрономических предприятий в нашей стране, после которых стали организовываться такие программы, как МГГ, ПИГАП и другие.

В настоящее время много занимаются историей науки, проблемой ее развития, вопросом о научных революциях, в частности — революциях в астрономии. Нет сомнения в том, что в науке революционные перевороты, видение мира по-новому, как, например, после Коперника, играют огромную роль. Но наряду с революционными скачками, в науке очень важна преемственность исследований, и новое включает в себя старое в переработанном виде, не отвергая его. Поэтому мы не можем согласиться с некоторыми парадоксальными утверждениями, вроде принадлежащего известному английскому философу А. Н. Уайтхеду «Наука, которая не решается забыть своих основателей, погибла». Мы не хотим забывать своих основателей, потому что это не нужно и вредно. Наоборот, новое можно и нужно развивать, опираясь на основателей.

В этой связи мне хочется изложить здесь несколько личных воспоминаний, относящихся к академику А. Я. Орлову, первому директору нашей обсерватории — ГАО АН УССР, как она тогда называлась. Первые годы развития Обсерватории, в значительной степени определялись наличием трех инструментов — вертикального круга Ваншаффа, двойного астрографа Тепфера—Штейнгеля и короткофокусного двойного астрографа (АКД). Первые два инструмента были получены из Германии, где они были установлены в обсерватории Бабельсберг, под Берлином. Они были вывезены оттуда в порядке возмещения ущерба, нанесенного некоторым советским обсерваториям в годы войны 1941—1945 гг. Ничего не поделаешь, война есть война, и у нее свои законы... АКД был изготовлен на Государственном оптико-механическом заводе в Ленинграде по проекту известного конструктора Н. Г. Пономарева.

Александр Яковлевич, конечно, больше всего интересовался таким классическим астрометрическим инструментом как вертикальный круг. Он относился к нему как к живому человеку, и когда возникали какие-то затруднения с его установкой, регулировкой и первоначальным исследованием, подолгу обсуждал с тогдашними научными сотрудниками А. К. Королем и В. В. Коляным разные проблемы, буквально как врач у постели больного. По выражению

его лица и высказываемым замечаниям было видно, что он страдал физически и морально. Астрометрию Александр Яковлевич очень любил (конечно, больше всего именно меридианную) и, когда кто-то из научных сотрудников хорошо выполнял работу, говорил: «сразу видно, что астрометрист». Еще до войны Александр Яковлевич вынашивал идею о создании большой обсерватории на Украине. Он прикидывал, какие места могут быть для этого пригодны. В 1939 г., естественно, что в его поле зрения попала небольшая обсерватория и метеостанция на горе Поп Иван (Восточные Карпаты). В этой обсерватории была установлена башня с куполом и телескоп с 13" объективом.

В 1940 г. в Академии наук УССР состоялась научная конференция, на которую был приглашен ряд ведущих астрономов Украины и практически все научные сотрудники обсерватории Киевского университета им. Т. Г. Шевченко. Особо выделялся среди приглашенных 72-летний директор Одесской астрономической обсерватории профессор Константин Доримедонтович Покровский, ветеран астрономии, автор знаменитого «Путеводителя по Небу». (Как жаль, что в 1944 г. его необдуманно арестовали, сняв с должности директора, угрожали судом, держали год в тюрьме, что, конечно, ускорило его кончину...).

Александр Яковлевич к тому времени уже успел взойти на гору Поп Иван и осмотреть обсерваторию. Помню, как в своем докладе он с сожалением рассказал о том, что на вершине никого не застал, а в дневнике обнаружил такую запись (примерно!): «слышны звуки канонады в долине, ухажу, забираю с собой объектив телескопа, так как не хочу, чтобы он достался красным (может быть, там было написано — русским или советским?) или даже венграм». Дальнейшая судьба объектива и башни мне неизвестна. Конечно, гора Поп Иван была неподходящим местом для астрономической обсерватории, главным образом из-за малого числа ясных ночей в этих местах. Но я навсегда запомнил, с каким увлечением Александр Яковлевич, которому тогда было 60 лет, рассказывал о подъеме на гору и возможных астрономических наблюдениях в этом месте.

Александр Яковлевич очень любил М. В. Ломоносова, преклонялся перед ним, часто цитировал. Он уважал труд астрометриста-наблюдателя и сам любил наблюдения. Для него, как говорил Ломоносов, было «веселье, а не труд наблюдать прохождение звезд через ту же вертикальную линию» (Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. — М., 1955.—Т. 4.—С. 450).

Александр Яковлевич любил и уважал не только труд наблюдателя, но и упорные рутинные усилия вычислителей. В его времена основными счетными машинами были (кроме обыкновенных счетов) арифмометры с ручкой и клавишные электрические машины. Конечно, в комнате, где находилось несколько вычислителей, стоял большой шум. Но Александр Яковлевич говорил, что ему нравится этот шум, потому что это значит, что в лаборатории трудятся, работают.

Эту заметку мне хочется закончить следующими словами Ломоносова: «Красота, важность, обширность, величие астрономии не только возвышают дух мудрых, возбуждая их пылливость и усердие, не только прельщают умы граждан просвещенных и находящих отраду в науках, но и необразованную толпу приводят в изумление. Поэтому неудивительно, что с незапамятных времен являлись мужи, выдающиеся природными дарованиями, которые всю свою жизнь посвящали занятиям астрономией, побуждаемые, как представляется нам, не стремлением к выгоде, а страстью насытить свой дух приятностью самого дела» (там же, с. 473).

Именно к таким мужам и следует отнести Александра Яковлевича Орлова.